

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются содержание и суть познавательной культуры, ее исторические виды и разновидности.

Ключевые слова: когнитивная культура, методология, логика мышления, истина, буддизм, христианство, ислам, суфизм.

В современной духовной, образовательной и научной деятельности все очевидными становятся субъективный характер познавательной деятельности, ее культурная обусловленность. В этой связи актуально рассмотрение особенностей такого феномена, как культура познания или познавательная культура, понятие которой функционально наряду с нравственной, эстетической, политической, правовой и т. п. культурой. Познавательная культура субъекта аккумулирует традиции, нормы, идеалы преимущественно обыденного, повседневного познания и, не сводясь к когнитивным аспектам познания, включает в себя также отображения социальных факторов бытия общностей, имеет характер национальной, половозрастной, религиозной и т. п. культуры. По мере исторического оформления в своих основных содержательных элементах, она обретает понятийную устойчивость и постоянство благодаря детерминированности метафизической картиной мира, глубинным мировоззренческим, ментальным и этническим истокам. Обеспечивая познавательный процесс, эта культура содержит в себе схемы, нормы и идеалы человеческой деятельности по производству знания, но индифферентна к объекту познания и не содержит самого этого знания. Определенность этой культуре придают всевозможные социокультурные факторы, она предстает связующим звеном между социальными и когнитивными аспектами познавательного процесса.

Вопрос о содержательных элементах познавательной культуры весьма сложен ввиду их многочисленности. Можно лишь выделить блоки однотипных элементов, составляющих культуру мышления, методоло-

логическую культуру, традиции познания, стили мышления и т. п. Классификация познавательных культур на научные, философские, религиозные, этнические, половозрастные, личностные и иные осуществима именно в зависимости от доминирования в них перечисленных и не упомянутых ее составляющих.

Научными составляющими познавательной культуры предстают идеалы и нормы, методы и формы, принципы и критерии, принятые в науке. Наиболее предпочитаемые из них научным сообществом, оправдавшие себя продолжительной по времени эвристической эффективностью, составляют устойчивые системы в форме познавательных и научных традиций. Философскими составляющими этой культуры являются всеобщие методы, принципы и другие основания науки и познания, которые в той или иной степени зафиксированы в эклектике, софистике, метафизике, диалектике, отчасти в синергетике и в современных постмодернистских идеях; одним из ключевых философских элементов в содержании познавательной культуры предстает картина мира, которая порой придает ей ярко выраженную идеологическую окраску. Религиозное и этническое в познавательной культуре также касается способов и приемов, уровней и ступеней, целей и идеалов познавательной активности человека: они фиксируют определенный вариант их набора, исторически складывающийся в религиозных и этнических традициях.

Типы и виды познавательной культуры и детерминированы этими философскими и научными традициями, стилями мышления, методологическим арсеналом науки, фило-

софскими методами, этническими менталитетами, разновидностью вероисповедания и т. п. Хотя познавательная культура фокусирует философское внимание не только на элементах гносеологии, имеющей дело преимущественно с параметрами интерсубъективного знания о материальном мире, но и на особенностях формирования личностного, обыденного, религиозного и т. п. знания, ее ключевыми элементами предстают ответы на вопросы – что есть истина, какова ее природа, как установить истину и т. п. составляющих того, что в истории философии получило название проблемы истины. Более того, познавательная культура немыслима без «центрального ядра нашего мышления – логики», которая, в свою очередь, может быть разрушена без понятия истины и лжи [Никифоров, 2008. С. 52].

Исторически первым содержательно развернутым типом познавательной культуры предстает модернистская. Новое время и вступление человечества в индустриальную цивилизацию значительно пополнили содержание познавательной культуры человечества. Ценности античности, развитые в основополагающие принципы европейской культуры – индивидуализм, демократизм, рационализм, атеизм и т. п., вкупе с характерным для новой эпохи сциентизмом, развитием науки и техники, взрывным ростом светского образования, секуляризацией, национализмом, бунтарством, революционностью, приоритетом материального и т. п., формируют новый исторический тип познавательной культуры – модернистский. Ее ведущими элементами выступают научные традиции, основанные на новых идеалах науки – математике и эксперименте. Принципы объективности, детерминизма, механицизма, методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, исторического и логического, законы диалектической логики, а также механистическая научная картина мира, основанная на атомизме, механицизме и гелиоцентризме, постепенно перерастающая в диалектико-материалистическую картину, образуют ядро массового мировоззрения и общественного сознания. Особую содержательность познавательной культуре придает решение вопросов сформировавшейся проблематики истины, хотя ее специфику определяют также и заблуждения, предрассудки, ошибки и другие негативные результаты познавательной деятельности.

При этом ключевые гносеологические идеи осваиваются наукой, образованием и широким общественным сознанием в русле классической теории соответствия, однако набирают духовно значимый авторитет детерминированные критериями истинности знания как составляющими познавательной культуры позитивистская, прагматистская, конвенционалистская, герменевтическая и иные неклассические концепции истины.

Если выделить предмодернистский, модернистский и постмодернистский исторические типы познавательной культуры, то в каждом из них можно говорить о таких родах, как религиозная, этнонациональная, философская, научная, половозрастная и т. п. В качестве же их видов предстанут, соответственно, например, исламская, немецкая, софистическая, естественно-научная, женская, молодежная и т. п. Дальнейшую спецификацию им придает детерминация теми или иными концепциями истины. Разумеется, речь в первую очередь идет о самой авторитетной по времени существования и мере воздействия на человеческое познание теории корреспонденции, хотя ее эффективность не раз подвергалась сомнению¹. Возможно, даже разновидность концепций и не принципиальна, принципиальна сама постановка вопроса об истине и лжи, без которой человеческие рассуждения и размышления лишаются, как справедливо на то указал А. Л. Никифоров, логики.

Это обстоятельство заметно при внимательном изучении данного процесса на примере той или иной конкретной этнической (национальной) познавательной культуры. Обратимся к русской познавательной культуре. Вплоть до второй половины XVIII в. достаточное хождение в рамках религиозно-идеалистической идеологии в российском обществе имели гностическое озарение, схоластическое усмотрение истины, откровение, астрология, оккультизм, магия, этнонаука, которые составили весьма значительное содержание предмодернистской познавательной культуры. Ей противостояло движение русского Просвещения, которое также не было однородным, но все просве-

¹ Например, М. Розов считает, что «корреспондентская концепция, несомненно, не критериальна», не дает правил отличения истины от лжи и «современный ученый, что бы ни проповедовал как философ, работает в рамках прагматизма» [Розов, 2008. С. 88–89].

тители апеллировали к разуму и науке, верили в безграничную силу познания. Рос-сийскую специфику формирующейся модер-нистской познавательной культуре при-дало соединение идей всеединства и софийности – учение о соборности, ориен-тированное на сплочение и организацию всего человечества и его усилий во имя со-вокупного спасения людей и их достойного будущего. Соборность была и остается нравственно-теоретической сердцевиной духовной деятельности, требованием сбли-жения и слияния культур, стремлением к единой, в том числе познавательной культу-ре, основные представления о которой вполне усматриваемы в творчестве В. Со-ловьева. В первую очередь это ориентир на нравственно-духовную жизнь, затем – на мудрость как на синтез многообразия ду-ховно-практической жизни человека, под-черкивая при этом ведущую роль мистики в познании [Михайлов, 1994. С. 136], и на достижение свободного творческого со-стояния человека как максимально отве-чающего его сущности. В учениях В. Со-ловьева преодолеваются национальные и цивилизационные границы познавательной культуры, намечаются ее общепланетарные контуры.

Спецификация русской познавательной культуры происходила и как синтезирова-ние в целостность разнородных элементов гносеологии, в попытках соединить в пер-вую очередь разные толкования главного результата познания (истины и знания) – «живознание» И. В. Киреевского и А. С. Хо-мякова, «цельное знание» В. С. Соловьева, «цельное мировоззрение» П. А. Флоренско-го и др. Все эти толкования истины не уме-щаются в рамки той или иной концепции истины, наоборот, сочетают достоинства известных на Западе подходов к определе-нию истины. В то же время здесь немало-важно и другое обстоятельство. Русские, будучи и европейцами, в своей познава-тельной культуре содержат весьма мало сходных с последними достоинств, а расхо-дятся в главном – они далеко не рационали-сты. Духовность русских – как известно, скорее, в душевности, лиричности, нежели в научности. Примечательны размышления И. Павлова о научном уме, которые были не в пользу русского ума – он фиксировал в последнем лишь натиск, быстроту, полет вместо усидчивости и кропотливости, не-

привязанность русского национального ума к фактам, его неумение высказать что-либо против общего настроения, вместо конкрет-ности и детальности – оперирование на-сквозь общими положениями, вместо ясно-сти – стремление к туманному и темному, поддакивание без понимания, вместо стрем-ления к истине – стремление к новизне, лю-бопытство, любование избитой истиной, вместо покорности истине – амбиции [Пав-лов, 1991].

Таким образом, специфику русского на-ционального ума и национальной познава-тельной культуры преимущественно опре-деляет идеал цельного знания. Особенность такого знания в том, что оно достигается в сочетании чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции, и даже тогда, когда в постижении истины подчеркивается зна-чимость рационального мышления, оно оказывается лишь на вторых ролях в ряду составляющих цельный опыт чувственного и нравственного опыта, эстетической пер-цепции и религиозного созерцания. Несмот-ря на это, было бы неверно считать русскую познавательную культуру недостаточно со-стоятельной в науке. Более того, можно согласиться с мнением, что православная интеллектуальная традиция и сегодня эф-фективна, поскольку «делает двойное уда-рение на онтологию и на живое предание, и потому не страдает той резкой разделенно-стью философского и социологического дискурсов, как западные дискуссии, разде-ленные на постмодернистскую и коммуни-тарную ветви» [Штёкль, 2007. С. 44].

Объединяя людей не столько знаниями и способом мышления, сколько верой и пере-живаниями относительно недоступного поз-нанию, религия овладевает иррациональ-ным уровнем человеческого сознания. Это вовсе не означает, что она не имеет отноше-ния к познавательной культуре – в науке установлена тесная связь, скажем, буддизма с теорией познания, хотя «первоначальный буддизм представляет собой несистематиче-скую попытку критического взгляда на мир и познание. Научную разработку оба проти-воположных взгляда получили в поздней-шем буддизме (в махаяне)... И в обновлен-ном брахманизме...» [Щербатской, 1995. С. 18]. Учитывая тот факт, что современная наука выросла именно из христианской культуры, некоторые гносеологи считают возможным даже вводить в философский

оборот понятие религиозной эпистемологии [Лазарев, Брюс, 1999. С. 155]. Исследователь истории ислама А. Зарринкуб считает, что с началом эпохи Аббасидов «стала формироваться такая научная дисциплина, как усул (методология), и тем самым вырабатывались научные принципы для обоснования положений фикха. Формировалось учение о каламе, согласно которому споры об основных положениях веры были подчинены логике и аргументации» [Зарринкуб, 2004. С. 56].

В ряде работ мы указывали на то, что познавательная культура аккумулировала гносеологические идеи о диалектическом характере познания, которые зафиксированы во всех мировых религиях как бесконечность постижения абсолютной истины, как дифференциация познавательной деятельности на чувственный, разумный, интуитивный и т. п. этапы. Идея сложности и противоречивости познания настраивает людей на скромность в оценке своих знаний и нацеливает на постоянное их совершенствование. Важным элементом познавательной культуры, заимствованным из религии, оказывается идея самопознания как важнейшего этапа и цели человеческого познания. Религиозное сознание своеобразно содержит также теоретико-познавательную идею о синтетическом характере познания, о единстве в нем когнитивного и ценностного начал. Основная единица религиозного мировоззрения – вера – фиксируется в познавательной культуре как неотъемлемый этап и результат познавательного процесса. Познавательная культура заимствует у религиозного сознания не только позитивные, но и негативные традиции умаления роли разума в познании, гносеологический пессимизм и агностицизм, отрыв знания от практики и т. п., которые, так или иначе, оказываются основой противостояния философии и религии, науки и религии (см., например: [Билалов, 2003]).

Хотя ислам, будучи, по мнению философов, интеллектуальной религией, уступает буддизму по философской глубине, невозможно умалять идейного богатства и гносеологической насыщенности его мистической ветви – суфизма, в котором очень убедительна зависимость его познавательной культуры от толкования истины. Суфизм полагает целью человеческого существования вообще достижение Единства

Бытия, имея в виду, с одной стороны, слияние человека с Богом, с другой – осознание теоретического обоснования этого единства. При более глубоком рассмотрении слияние человека с Богом оказывается познанием, и примечательно, что некоторые из многочисленных названий суфизма прямо связывают его с познавательной деятельностью человека. Суфиев нередко называют гностиками, мудрыми, эзотеристами и т. п., намекая на их привязанность к тайному, скрытому знанию, культовым обрядам, доступным только узкому кругу лиц, устремленных к истине. Жизненные убеждения суфиев и реальное бытие подчинены этой высокой цели, ведь состояние полного уничтожения, «небытия» собственного «я» (фана) и есть постижение Бога, абсолютной истины. Величайший иранский суфийский поэт Руми заявлял: «Бог создал нас для того, чтобы при помощи нас была познана Истина» [Суфии, 2001. С. 193]. Этот трансгрессивный выход субъекта за пределы обыденной психической нормы, который, кстати, обладает универсальностью религиозного экстаза, Батай определил как феноменологическое проявление трансгрессивного трансцензуса к Абсолюту.

Безусловно, основные гносеологические положения суфизма – познание как слияние с Богом, любовь сердца как средство постижения истины, приоритет иррационального над рациональным в ее познании, познание как онтологизация истины и т. п. – будучи всесторонне развиты и культивированы, оказали влияние на обыденное общественное сознание мусульман, оставили отпечаток и на сегодняшней познавательной культуре. При этом в ее содержании заметны следы более основательных исконно религиозных черт – провиденциализм, креационизм, телеологизм, эсхатологизм, трансцендентизм, имманентизм, фатализм, нетерпимость, фанатизм и т. п., которые пронизывают все ступени и уровни духовной и познавательной активности людей. Прослеживаются также и методологические подходы религиозного мышления – догматизм, консерватизм, авторитаризм и схоластичность, мировоззренческие принципы – дуализм, мистицизм и идеализм.

Ныне философы пишут о «завершении эпохи Личности», имея в виду конец времени, когда «индивид, овладевая законами природы, осознавал себя субъектом своей

жизнедеятельности». Появляется «квази-субъект, точнее, агент», который, в отличие от субъекта-личности, «продолжая быть носителем интеллекта, не обладает самостью, креативностью...» [Кутырев, 2007. С. 46–47]. Является ли это отходом от субъектного характера познания, чем оно оборачивается для познавательной культуры и каково содержание современной познавательной культуры при известных тенденциях духовной жизни и культуры глобализирующегося общества?

Научно-методологическая часть познавательной культуры, которая обычно задает тон всему содержанию последней, ныне предстает качественно отличной от предшествующих по мыслительному уровню системой неклассики. Набирающая силу тенденция к потере познанием интереса к реальной действительности, к отказу от универсального научного знания, к превращению истины в разновидность мнения, к ее фрагментаризации и плюрализации и т. п. признается в новом рационализме отказом от постижения сущности, субъективизацией, релятивизацией познания. При этом, как это ни парадоксально, в перспективе наука допускает мобилизацию всех интенций человеческого духа в своем творчестве. Понимая вслед за психоанализом психическое как многоуровневое и комплексное образование с множеством нерелексируемых лакун и пустот (в интеллектуальном отношении), современная научно-философская методология допускает конструирование ее результатов как компоновку на основе концептуального плюрализма интуитивно очевидного, непосредственно наблюдаемого и высокоабстрактных интерсубъективных познавательных образов. Можно согласиться с идеей о сопоставимости всем измененным состояниям сознания соответствующих дискурсивных практик, проблема которых выдвинулась в центр изучения социокультурных феноменов, начиная с работ М. Фуко, Ж. Деррида и других постмодернистов [Наумов, 2004. С. 283]. Такое конструирование знания основывается на приемлемости конституирования действительности из субъективной спонтанности, при этом немаловажны конкретные способности субъекта познания, привносящие в реальное бытие самостийно сотворенные законы и стандарты.

Таким образом, как нам представляется, современное познание не отменяет, но ви-

доизменяет свой субъектный характер, главным образом, за счет «конституирования действительности из субъективной спонтанности». Но доминирование в научном познании субъектного фактора сохраняется, что одушевляет предмет познания, и он становится человекоразмерным, а само познание, отказываясь «от математической упорядоченности», заменяет «ее хаотическими отношениями» [Маркова, 2004. С. 117]. Делез и Гваттари, анализируя способ формирования науки из хаоса, приходят к выводу, что «наука функционирует, имея дело только с актуализованными (ею же) из хаоса предметами, вещами, телами. Она постоянно осуществляет бифуркации, отыскивая таким образом в бесконечном хаосе виртуально новые формы для актуализации, осуществляя своего рода потенциализацию материи» [Там же. С. 254]. Пересмотр устоявшихся стандартов и неизблемых истин, экзистенциализация познаваемых ситуаций, смещение в них реального и ирреального, субъективизация отражаемого до личностного видения и индивидуального самовыражения как неотъемлемые элементы методологических новаций науки могут быть доведены до подрыва и релятивизации универсалий, норм, канонов и индивидуализации ценностей познавательной культуры.

Разумеется, хотя «путаница и споры методологии XX века» и превращали некоторые концепции в «абсурдную теорию познания» из-за несоблюдения ими рамок своей области исследования, нельзя считать отказ от методологии XX в. «просто естественной необходимостью» [Семенов, 1997. С. 53]. Об этом свидетельствует вполне сознательный постмодернистский подход возвращения к опыту различных гносеологических учений. Отказываясь от универсальных парадигм, «интеллектуального деспотизма», фундаментализма и т. п., постмодернизм содействует синтезу логико-методологических практик и практик экзистенциально-антропологической традиции в гносеологии. При этом, как полагает Л. А. Микешина, реализуется принцип доверия субъекту, понимаемому как «целостный человек познающий». На этой основе обогащается традиционное представление о субъекте и снимаются противоречия, связанные с отождествлением познания с субъектно-объектными отношениями, с отражением, субъек-

екта – с сознанием вообще. «Особая проблема – неосознанные и бессознательные компоненты познавательной деятельности и личностное неявное знание субъекта, природа и способы введения которых в когнитивный процесс требуют учета и герменевтического опыта» [Микешина, 2002. С. 56]. Все эти современные тенденции осмысления теоретико-познавательной культуры требуют синтеза многих когнитивных практик на пути формирования современной философии познания.

И как бы ни предстали сегодня ведущие детерминанты познавательной культуры – в виде этнических ментальных особенностей, религии или методологических новаций – они демонстрируют усиливающийся субъектный характер познавательной деятельности и ее возрастающую культурную обусловленность.

Список литературы

- Билалов М. И.* Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания. М.: Асадемия, 2003. 128 с.
- Зарринкуб А. Х.* Исламская цивилизация. М.: Андалус, 2004. 237 с.
- Кутырев В. А.* Смотрите, кто пришел... О конце сознания и начале мышления // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 13, № 3. С. 37–48.
- Лазарев Ф. В., Брюс А. Л.* Современная эпистемология: дух и проблемы. Симферополь: Таврида, 1999. 176 с.
- Маркова Л. А.* Философия из хаоса. Ж. Делез и постмодернизм в философии, науке, религии. М.: Канон +, 2004. 384 с.
- Микешина Л. А.* Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
- Михайлов В. В.* Рациональное и мистическое в гносеологических взглядах Вл. Соловьева // Познание и его возможности: Тез. междунар. науч.-метод. конф. 24–25 мая 1994 г. М., 1994. С. 136–138.
- Наумов К. Н.* Измененные состояния сознания и проблема дискурса // Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное видение. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2004. С. 281–283.
- Никифоров А. Л.* Понятие истины в теории познания // Эпистемология и философия науки, 2008. Т. 16, № 2. С. 50–65.
- Павлов И. П.* О русском уме // Литературная газета. 1991. № 30.
- Розов М. А.* Несколько слов об истине // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 16, № 2. С. 88–90.
- Семенов В. В.* От теории познания к теории сознания. Отходная методологии XX века. Пушино, 1997. 60 с.
- Суфии:* Собрание притч и афоризмов. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 640 с.
- Щербатской Ф. И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. СПб.: Изд-во Аста-пресс Ltd, 1995. Ч. 1. 395 с.
- Штёкль К.* Сообщество после субъекта. Православная интеллектуальная традиция и философский дискурс политического модерна // Вопр. философии. 2007. № 8. С. 34–46.

Материал поступил в редколлегию 11.03.2009

M. I. Bilalov

DETERMINANTS OF COGNITIVE CULTURE

The article considers contents and essence of cognitive culture, its historical types and varieties.

Keywords: cognitive culture, methodology, logic of thinking, concepts of truth, buddhism, christianity, islam, sufism.